

DOI: 10.22363/2313-0660-2021-21-1-195-198

Рецензия на книгу:
Islam in International Relations. Politics and Paradigms /
ed. by N.M. Adiong, R. Mauriello, D. Abdelkader.
London, New York: Routledge, 2019. 236 p.

О.С. Чикризова

Российский университет дружбы народов, Москва, Российская Федерация

Для цитирования: Чикризова О.С. Рецензия на книгу: Islam in International Relations. Politics and Paradigms / ed. by N.M. Adiong, R. Mauriello, D. Abdelkader. London, New York: Routledge, 2019. 236 p. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2021. Т. 21. № 1. С. 195—198. DOI: 10.22363/2313-0660-2021-21-1-195-198

Book review:
Adiong, N.M., Mauriello, R., & Abdelkader, D. (Eds.). (2019).
Islam in International Relations. Politics and Paradigms.
London, New York: Routledge, 236 p.

Olga S. Chikrizova

RUDN University, Moscow, Russian Federation

For citation: Chikrizova, O.S. (2021). Book review: Adiong, N.M., Mauriello, R., & Abdelkader, D. (Eds.). (2019). Islam in International Relations. Politics and Paradigms. London, New York: Routledge, 236 p. *Vestnik RUDN. International Relations*, 21(1), 195—198. (In Russian). DOI: 10.22363/2313-0660-2021-21-1-195-198

Рецензируемая монография подготовлена коллективом авторов по инициативе Группы международных и исламских исследований (International Relations and Islamic Studies Research Cohort, Co-IRIS)¹, объединяющей единомышленников, изучающих роль и влияние ислама на международные отношения с помощью инструментария и категорий конструктивистской парадигмы. Книга представляет собой логическое продолжение выпущенной в 2016 г. коллективной монографии *Islam and International Relations. Contributions to Theory and Practice* [2016], посвященной исследованию исламских подходов к

вопросам норм и ценностей, демократии и секуляризма, управления и государства-нации.

Долгие годы в социальных науках наблюдалось отрицание заметной роли религии в связи с опорой на рациональное мышление и логику, что привело к доминированию позитивистской и бихевиоралистской традиций, в том числе в международных исследованиях. Это неудивительно, поскольку религию трудно операционализировать, «расчленить» на категории и критерии с тем, чтобы имплементировать ее в теорию международных отношений. Однако ислам, представляющий собой стройную систему знаний, по мнению

¹ International Relations and Islamic Studies Research Cohort. URL: <https://coiris.net> (accessed: 11.11.2020).

© Чикризова О.С., 2021

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License.

<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

авторов рецензируемой монографии, может помочь в изучении таких вопросов, как легитимность власти, урегулирование конфликтов, проблемы мира и прав человека [Islam in International Relations... 2019: 6]. Но для этого, на наш взгляд, следует избавиться от бинарного восприятия мира как в рамках западной традиции изучения международных отношений (дихотомия Восток — Запад или Запад — не-Запад), так и в «исламских международных отношениях» (оппозиция «мусульманский мир» — «немусульманский мир»).

Как отмечают редакторы издания в обобщающей первой главе, они стремятся развеять миф о несовместимости ислама с международными отношениями в их западном понимании, то есть фактически «деколонизировать» международные отношения [Islam in International Relations... 2019: 3]. В этой связи цель данной монографии и изучения ислама в международных отношениях состоит в том, чтобы «дать голос» мусульманскому миру как актору мировой политики, при этом не столько заменив западнотрицентричные подходы к международным исследованиям, сколько расширив и обогатив их [Islam in International Relations... 2019: 1].

Книга состоит из 12 глав, в каждой из которых рассматривается отдельный случай проявления «исламского фактора» в политике — от внешнеполитической доктрины Ирана при Верховном лидере (*рахбаре*) Али Хаменеи [Islam in International Relations... 2019: 18—38] до роли различных исламистских течений, транслирующих свои представления о мировом устройстве в своих выступлениях и информационных продуктах и стремящихся «исламизировать» внешнеполитическую повестку отдельных стран [Islam in International Relations... 2019: 169—183].

Наибольший интерес представляет выделение авторами монографии пяти парадигм «исламских международных отношений» и их сопоставление с западными теориями международных отношений.

Первая парадигма — исламский фундаментализм — отождествляется с классическим реализмом, поскольку центральным понятием представлений фундаменталистов о

мире служит «умма» — сообщество единоверцев-мусульман, в то время как в реализме — это государство-нация. В качестве аналога принципу «баланса сил» в фундаменталистской парадигме выступает понятие «джихада» как вооруженной борьбы против искажающих ислам нововведений, «неискренних» мусульманских правителей и «врагов исламской религии». Также центральным постулатом исламского фундаментализма служит вечный конфликт (вновь аллюзия на реализм) между «территорией ислама» (*дар аль-харб*) и «территорией войны» (*дар аль-ислам*).

Вторая парадигма — «прогрессивный ислам» — сравнивается с либерализмом, поскольку также делает акцент на сотрудничество с немусульманами, принятие современности и взаимодействие через транснациональные институты. «Прогрессивный» подход призывает адаптировать систему государственных институтов, но при этом сохраняет представления об умме как метафизическом концепте.

Третья — салафитско-джихадистская — парадигма не признает работы классиков мусульманской мысли, таких как аль-Фараби, аль-Газали, Ибн Рушд и т. д., считая их труды искажающими суть изначального ислама. Салафиты-джихадисты могут быть представлены как «националисты» от ислама, борющиеся против колониализма и различных форм угнетения, однако своими призывами способные мотивировать людей на насильственное сопротивление и даже терроризм [Islam in International Relations... 2019: 8].

На наш взгляд, третью парадигму можно сравнить с марксизмом, одним из ключевых концептов которого также является борьба против различных форм неравенства и угнетения.

На примере ваххабизма американская исследовательница Д. Абделькадер выделяет четыре «стадии», которые проходит радикальная идеология:

1) зарождение ваххабизма как националистического движения, направленного на борьбу Мухаммада ибн Сауда, основателя первого Саудовского государства, против Османской империи. При этом на первой стадии насилие было лишь последним средством

противостояния, когда все другие инструменты уже были опробованы, но не принесли победы [Islam in International Relations... 2019: 191];

2) после смерти основателя ваххабизма, М. ибн Абд аль-Ваххаба, политизация ваххабизма завершилась, поскольку учение начало использоваться ради достижения политических целей. Взяв на вооружение идеи Ибн Таймийи, ваххабиты обосновывали необходимость считать «джихадом» борьбу против османского господства на Аравийском п-ове [Islam in International Relations... 2019: 192];

3) начало «третьей волны» трансформации ваххабизма было спровоцировано репрессиями режима египетского президента Г. Абдель Насера против «Братьев-мусульман»¹, совпавшими по времени с ростом популярности социалистических идей. В этих условиях в Саудовской Аравии возникло движение «Ас-Сахва», взявшее на вооружение ваххабитскую доктрину (с нововведениями авторства Ибн Таймийи) в сочетании со строгим кодексом религиозного поведения и жесткой критикой в адрес насеризма [Islam in International Relations... 2019: 195];

4) «четвертую волну» радикализации ваххабизма вызвало вторжение США и их союзников в Ирак (2003 г.), приведший к краху иракской государственности. В 2011 г. в результате событий «арабской весны» произошёл крах государственности в Сирии, и эти факторы обусловили вмешательство региональных и международных акторов во внутренние дела «несостоявшихся стран» (*failed states*). Реакцией на вмешательство стало возникновение таких террористических организаций, как «Аль-Каида» и ИГИЛ (ИГ, «Исламское государство»)², которые использовали этноконфессиональные, племенные и прочие разногласия внутри иракского и сирийского обществ, с тем чтобы распространить свою власть на территории, не контролируемые официальными властями [Islam in International Relations... 2019: 198].

¹ Организация запрещена в РФ.

² Организации запрещены в РФ.

Четвертая парадигма объединяет сторонников «исламизации знания» (*Islamization of Knowledge*), которая предполагает универсализм и превосходство исламской морали и интеллектуального наследия над западными социальными науками. Однако, как справедливо замечают авторы, данная концепция лишь усугубляет разрыв между «миром ислама» и Западом [Islam in International Relations... 2019: 6].

Наконец, последняя, пятая, парадигма — «цивилизационный ислам» — признает сильное влияние ислама на те общества и государства, где данная религия играет значимую роль в интеллектуальной и духовной сферах, но при этом не навязывает свое видение мира представителям других цивилизаций. Данный подход представлен, как отмечают авторы, политикой М. Хатами (президентом Ирана в 1997—2005 гг.) и Р.Т. Эрдогана, нынешнего президента Турецкой Республики [Islam in International Relations... 2019: 9].

Таким образом, рецензируемая коллективная монография вносит огромный вклад в постановку проблемы влияния ислама на международные отношения в рамках постколониального дискурса. Она демонстрирует многообразие подходов к теоретическому осмыслению «исламского фактора» в мировой политике, ставит перед исследователями задачу пересмотра общепринятых представлений об исламе и согласования исламских концепций с западными теориями международных отношений.

Тем не менее идея проведения параллелей между западными теориями международных отношений и исламскими концепциями миропорядка не реализована до конца, поскольку двум парадигмам — «исламизации знания» и «цивилизационному исламу» — не противопоставлены какие-либо теоретические подходы, разработанные в рамках западных социальных наук. Мы смеем надеяться, что этот небольшой недостаток будет устранен в новых монографиях, подготовленных квалифицированными учеными из Группы международных и исламских исследований.

Поступила в редакцию / Received: 21.11.2020
Принята к публикации / Accepted: 27.12.2020

Библиографический список / References

- Adiong, N.M., Mauriello, R., & Abdelkader, D. (Eds.). (2019). *Islam in International Relations. Politics and Paradigms*. London, New York: Routledge.
- Abdelkader, D., Adiong, N.M., & Mauriello, R. (Eds.). (2016). *Islam and International Relations. Contributions to Theory and Practice*. Palgrave Macmillan.

Сведения об авторе: Чикризова Ольга Сергеевна — кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры теории и истории международных отношений Российского университета дружбы народов (e-mail: chikrizova-os@rudn.ru).

About the author: Chikrizova Olga Sergeevna — PhD in History, Senior Lecturer, Department of Theory and History of International Relations, RUDN University (e-mail: chikrizova-os@rudn.ru).